

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рассказы Виктории Токаревой производят свежее и радостное впечатление. Да, радостное, хотя иные из них говорят о грустном, печальном, о несостоявшихся судьбах, о долгих заблуждениях человеческого сердца, о том, что и самых близких людей разделяет порой незримая полоса отчуждения. Радостью одаривает молодой, искрящийся талант писательницы, ее умение освежать самое обыденное, привычное.

Виктория Токарева смотрит на мир так, будто другие глаза его еще не видели, будто ей дана возможность впервые обнаружить природу и суть вещей. Это дерзко, но это и привлекает в ее работе. Порой вполне реалистично, порой сказочно она переоткрывает мир вокруг нас, и начинаешь наново ощущать смысл, значение и моральных категорий, и своих простых, каждодневных человеческих обязанностей, и всех, казалось бы, немудреных, а на деле сложнейших, тончайших связей, что сочетают тебя с родными, близкими, сослуживцами, соучениками и вообще СО-жителями на земле.

Каждый рассказ Виктории Токаревой несет в себе определенный нравственный заряд, и в этом — не побоюсь показаться банальным — воспитательный смысл ее необычного, изящного, стремительного сборника. Смешное, ироничное, полусказочное, вроде бы не слишком обязательное оборачивается серьезным и глубоким разговором о жизни, о людях, о времени, в котором мы живем.

Виктория Токарева остается художником в каждом своем рассказе. Я говорю «в каждом», потому что, на мой взгляд, в книге нет плохих рассказов. Есть отличные, есть очень хорошие и просто хорошие. А главное — есть книга. Есть единство, которое отличает настоящую книгу рассказов от случайной.

Юрий НАГИБИН

О ТОМ, ЧЕГО НЕ БЫЛО

И был день, когда папа взял мальчика Диму в зоопарк и показал ему тигра. У тигра были зеленые глаза с вертикальными зрачками, вокруг черного кожного носа расходились черные круги, а уши торчали на голове, как два равнобедренных треугольника.

— Папа, — сказал Дима, когда они отошли от клетки, — я хочу тигра.

Папа шел и думал о своем.

— Ну, па-па... — заканючил Дима.

— Ну что, что? — раздраженно спросил папа.

Если бы Дима был постарше, он бы понимал, что в такие минуты о делах говорить не следует. Но Диме было только шесть лет, и он сказал:

— Я хочу, чтобы тигр жил у меня дома.

— Дома живут кошки и собаки, — ответил папа. — А тигры дома не живут.

И прошло двадцать лет. Дима работал врачом в «Неотложной помощи». Люди вызывали его к себе домой, когда им было плохо, и очень радовались Диминому приходу. Но как только им становилось получше и Дима уходил, они совершенно о нем забывали. Таково свойство человеческой природы.

Работа была не творческая, однообразная. И люди, с которыми Дима сталкивался, были тоже однообразные. Когда у человека что-нибудь болит, он говорит с врачом только на эту тему и становится малоинтересен.

В день, о котором пойдет речь, Дима был вызван к пациентке, у которой болело внутри.

— Где именно? — уточнил Дима.

— Именно внутри, — уточнила пациентка.

Когда Дима ничего внутри не обнаружил, женщина обиделась и выразила свое отношение к медицине вообще и к Диме в част-

ности. Дима мог бы достойно возразить, но пререкаться с пациентами было запрещено. Он уложил свой черный кожаный чемоданчик и вышел.

Нерастроченная злость давила на ребра, и Дима, оглянувшись на дверь, сказал одно только слово:

— Лошадь.

И была у Димы любовь по имени Ляля.

Ляля работала в парикмахерской и каждые две недели красила волосы в разные цвета. Они были у нее то черные, то оранжевые, то голубые.

Дима приходил после дежурства, останавливался возле окна парикмахерской. Окно было во всю стену, и там, за стеклом, как в аквариуме, медленно двигались люди. Все это напоминало замедленную съемку, а Ляля со своим капризным личиком испорченного ребенка как две капли воды походила на Брижит Бардо.

Запросы с Брижит у нее были одинаковые, возможности тоже.

В день, о котором пойдет речь, Ляля, как всегда, вышла на улицу и, скучно поглядев на Диму, проговорила:

— Шапку бы ты себе купил другую, что ли...

Это было неуважение.

И пришел Дима домой, а дома его спросили:

— Ты финскую мойку достал?

— Нет, — сказал Дима.

— Почему?

— Я пришел в магазин, сказали «нет».

— А почему Замскому сказали «да»?

— Я не знаю почему.

— А я знаю, — сказала Димина мама. — В детстве ты не умел элементарно хулиганить, как все дети, а сейчас ты даже не можешь элементарно мечтать, как все бездельники. У тебя ничего нет и никогда ничего не будет.

Далее мама добавила, что на Диме очень удобно возить воду и что тут ничего не исправишь, потому что эта особенность у него врожденная, унаследованная от папы.

И пошел Дима в пельменную и напился от этих слов. Если ему было хорошо, то от выпитого становилось еще лучше. А если плохо, то еще хуже.

Сейчас ему стало еще хуже. Дима хмуро глядел в мраморный столик и слушал двух своих новых знакомых, стоящих за этим же

столиком. На одном была плоская кепочка, другой — без особых примет.

— Ты чего больше всего хочешь? — спрашивал тот, что без примет, у того, кто в кепочке. — Какая у тебя мечта?

— У меня мечта жить долго и не болеть.

— А у меня мечта быть знаменитым, как артист Филиппов.

— Зачем?

— Чтобы я шел по улице, а люди останавливались и говорили: «Вон Охрименко пошел». Я Филиппову письмо послал, ответа жду.

— Банальная мечта, — вмешался Дима.

— А у вас какая? — с почтением спросил Охрименко и вытер пальцами углы губ.

Дима подумал и сказал:

— Я хочу, чтобы у меня дома жил тигр.

— Дома живут только кошки и собаки, — резонно заметил человек в кепочке.

— Я понимаю, — покорно согласился Дима и вздохнул. — Я не вовремя родился. Лишний человек. Трагическая личность. Вот Энгельс сказал: «Что такое трагедия? — Столкновение желания с невозможностью осуществления...»

Безызвестному Охрименке стало жалко Диму, и он сказал:

— А вы сходите в зоопарк. Может, там есть лишний тигр...

И пошел Дима в зоопарк.

Последний раз он был здесь двадцать лет назад с папой.

И сейчас, когда шел мимо клеток, думал о том, что выросшим детям в зоопарк ходить не следует.

Раньше, двадцать лет назад, Дима видел только орла. А сейчас он видел орла в клетке. Клетка была открыта сверху, и над орлом было небо, но взлететь в него он не мог, потому что у него были подрезаны крылья. Орел сидел на широком пне, свесив свои подрезанные крылья, и походил на деревянную статуэтку, какие продаются в посудно-хозяйственных магазинах.

Тигр спал в своей клетке, лежа на боку, вытянув лапы. Живот у него поднимался и опускался — может быть, ему снилась пустыня.

Дима представил себе, что такой же хищник будет лежать поперек его комнаты, храня тайну пустынь, и сердце его наполнилось дерзостью. А все остальные жизненные противоречия показались несерьезными.

Дирекция зоопарка размещалась в одном помещении с певчими птицами. Видимо, в зоопарке тоже была своя жилищная проблема.

Директор сидел за столом и читал какие-то бумаги, наверное, очень скучные, потому что, когда Дима вошел, обрадовался и широко улыбнулся Диме, обнаруживая сразу все зубы — голубоватые и безукоризненные, как бывают безукоризненные искусственные зубы.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался Дима.

— Чем могу служить? — обрадовался директор.

— Скажите, у вас нет случайно, — Дима сделал ударение на слове «случайно», — лишнего тигра?

— Чего?

— Тигра...

— Вы из какой организации?

— Я не из организации. Я в индивидуальном порядке.

— А зачем вам тигр?

— Просто так.

— Просто так даже вороны не каркают, — не поверил директор. — Для чего-то он вам все-таки нужен...

— Я хочу, чтобы тигр жил у меня дома.

— А вы не боитесь, что он вас сожрет?

— Я его приручу.

— А зачем? Каков конечный результат?

Директор смотрел на Диму как на представителя современной молодежи и думал, что, может, молодежь знает что-то такое, чего не знает их поколение. Но Дима ничего такого не знал.

— Конечный результат у всех один, — сказал Дима. Он знал это как врач. — Зачем об этом думать?

Директор спрятал зубы и перестал улыбаться.

— У нас нет лишнего тигра, — сказал он. — Да и не может быть. Ведь это такая ценность.

— Я куплю, — пообещал Дима.

— Это не в ваших возможностях, — объяснил директор зоопарка.

Дима оглянулся на дверь и что-то прошептал директору на ухо. Он учитывал опыт с финскими мойками.

— Нет у нас тигров, честное слово, — искренне сознался директор. — Вы сходите в цирк к дрессировщику, может, там есть...

Дрессировщик открыл Диме дверь и, выслушав вопрос, в дом не пустил. Дрессировщик решил, что к нему пришел человек с манией. Он уже знал одного такого — очень общительного человека, который, когда останавливался для беседы, протаскивал у собеседника сквозь петлю на пальто связку ключей. Прощаясь, он снова протас-

кивал ключи, только в противоположном направлении. У него была мания отпирать людей, а потом снова их запирасть.

Дрессировщик поглядел на Диму с отчужденным любопытством. Ключей в руках у Димы не было, он стоял безоружный перед дрессировщиком, мигал ресницами, прямыми и белыми, как крылья у бабочки-капустницы.

— Вы меня разыгрываете? — осторожно спросил дрессировщик.

К нему иногда приходили люди исключительно с этой целью. Такие люди считали, что дрессировщик имеет дело с кастрированными тиграми, которые отличаются от обычной кошки только размером.

— Я вас не разыгрываю, — серьезно сказал Дима.

— Вы хотите его дрессировать?

— Нет. Я ничего не хочу.

— А зачем же вам тигр?

— Мечта...

— Странная мечта, — удивился дрессировщик.

— У каждого своя.

— А где вы работаете?

— Я врач.

— Хирург?

— Нет, терапевт.

— А почему у меня по утрам мешки под глазами? — оживился дрессировщик.

— По разным причинам, — сказал Дима. — Может, сердце, а может, почки.

— Да, — дрессировщик проникся к Диме доверием и задумался. Думал о том, что человек лечит людей и мечтает о тигре. А он, дрессировщик, никогда о них не мечтал. Он всю жизнь мечтал разъехаться с тещей, чтобы жить отдельно и не висеть друг у друга в глазах.

— У меня нет для вас тигра, — очнувшись, сказал дрессировщик. — Мне самому не хватает.

— Мне только одного, — взмолился Дима.

— Я понимаю, что одного, а не десять. Но мне он нужнее, чем вам. У вас мечта, а у меня орудие производства.

— Что же делать?

— Я не знаю. — Дрессировщик поскреб макушку. — Пойдите в Уголок Дурова, может, там есть...

В Уголке никого из начальства не оказалось на месте. В кабинете директора сидела девушка-секретарша и тихо разговаривала по телефону.

Когда Дима вошел, она перестала разговаривать и нежно, внимательно поглядела сквозь Диму. Глаза у нее были накрашенные и очень красивые.

— Здравствуйте, — поздоровался Дима.

— Здравствуйте, — сказала девушка, продолжая улыбаться, но не Диме, а тому, с кем разговаривала.

— У вас нет тигра? — спросил Дима. Он ожидал, что девушка удивится и спросит, из какой он организации и зачем ему тигр.

Но девушка не удивилась и ни о чем не спросила. Она опустила трубку на колени и вежливо ответила:

— У нас есть кролики, голуби, енот. Аквариум есть, а тигра у нас нет.

Девушка подняла трубку с колен и, опустив глаза, что-то тихо в нее проговорила.

— До свидания, — сказал Дима.

Она подняла глаза, кивнула и засмеялась, но не Диме, а тому, с кем разговаривала.

Дима шел по улице, смотрел на людей и по профессиональной привычке ставил диагнозы. По дороге ему попались два гипертоника и ребенок в возрасте до года с признаками рахита.

Дома он из-за ничтожного повода поссорился по телефону с Лялей и вовсе безо всякого повода разругался с мамой. Папа сидел на диване и читал газеты. Его интересовали судьбы мира.

Дома делать было нечего, и Дима пошел к соседке Регине. Регина жила этажом ниже и жила одна. Прежде она была два раза замужем, и оба раза неудачно: Регина вкладывала в своих мужей всю душу, молодость и деньги, а мужья, не испытывая даже элементарной благодарности, уходили к другим женщинам, которые были хуже Регины и не вкладывали ничего.

Регина открыла Диме дверь, поглядела на него исподлобья снизу вверх, держа у носа платочек.

— А, это ты, — разочарованно сказала она. — Проходи, только не разговаривай. Я буду работать.

Дима сел на диван и стал смотреть на Регину. Регина листала чужую рукопись — она работала корректором, — и под фланелевым халатом двигались ее лопатки.

В комнате было чисто и уютно, у Регины был красивый четкий профиль, но все это — ее опрятность и красота — оставалось невос требованным.

— Паршивое настроение, — проговорил Дима.

Регина промолчала и перевернула страницу.

— Хорошо бы у человека была в мозгу такая кнопка: нажмешь — и забудешь все, что хочешь забыть. — Диме хотелось забыть тигра.

— Послушай, — Регина обернулась, и лицо ее стало одухотворенным. — У меня поясница болит, прямо разламывается. Почему бы это?

— Не знаю, — сухо ответил Дима. Ему надоело с утра до вечера слушать про болезни. Все ждали от него помощи, а ему самому никто не хотел помочь. — Не знаю, — повторил он. — Может, почки, а может, радикулит.

— Как это не знаешь? — удивилась Регина. — Ты же врач...

— Надо проверить мочу, — сказал Дима и вернулся домой.

Кнопки в мозгу действительно не существует, но зато существует телепатия. Когда человек о чем-то непрестанно думает, от его мозга во все стороны идут тугие плотные волны. Эти волны наполняют квартиру и, не уместаясь в ней, выплывают за окно. За окном они распространяются вверх и в стороны и наталкиваются на антенны. Эти антенны стоят на домах, как маленькие рисованные человечки с воздетыми руками-палочками. Человечки стоят с распахнутыми руками и принимают на себя все, что есть в мире: слова, музыку и мысли. Они принимают все, что есть в мире, и через приемники передают это в дома к людям. Музыка и слова обычно слышны, а мысли нет. Мысли не слышны, но они чувствуются. И если кому-то где-то очень плохо, то у другого человека, даже если он живет на противоположном конце света, ни с того ни с сего может испортиться настроение.

Дима лежал на диване и думал о тигре, вокруг его головы, как нимбы, вспыхивали невидимые биотоки. И в этот момент раздался телефонный звонок.

Звонил бывший Димин школьный товарищ, ныне геолог Вася. Вася поздоровался и рассказал, что недавно он вернулся из уссурийской тайги, где нашел позвоночник от вымершего мамонта, и, кроме позвоночника, он привез из тайги в подарок дочке маленького тигренка. Жена почему-то активно возражает против такого подарка и требует, чтобы Вася передал его безвозмездно либо государству, либо частному лицу.

И сбылась мечта!

У Охрименки не сбылась, и у девяноста девяти процентов человечества не сбывается. А вот у Димы сбылась.

В его комнате поселился большеголовый тигренок. Глаза у него были зеленые с вертикальными зрачками, вокруг черного кожного носа расходились черные круги, а уши торчали на голове, как два равнобедренных треугольника.

Дима должен был испытывать счастье и восторг, но особенно яркого восторга он не испытывал. Было удивление, какая-то легкая опустошенность, а восторга не было. Просто Дима первый раз переживал осуществление мечты и не знал, что именно так оно и выражается: удивление, опустошенность и покой.

Дима спустился этажом ниже и позвонил к Регине. Регина открыла ему дверь, глядя исподлобья снизу вверх, держа у носа платочек.

— А, это ты, — разочарованно сказала она.

Дима молча отвел полу пиджака, показав внутренний карман, откуда торчала бутылка «Старки».

Регина повернулась и пошла в глубь комнаты, а Дима, запахнув пиджак, двинулся следом.

Регина достала из серванта рюмки и розетки. Все это было из хрусталя и блестело.

— За что? — спросила она и проглотила какую-то таблеточку. У Регины была аллергия, и она пила водку только после лекарства.

— За мечту, — предложил Дима.

— Ну, за это я пить не буду, — отказалась Регина.

— Но ведь невозможно жить без мечты.

— Мечтай, — сказала она. — Я ведь тебе ничего не говорю.

Регина выпила и пошмыгала носиком в платочек. Лицо у нее было бледное. Она очень уставала, читая чужие рукописи.

Дима тоже выпил, и ему стало хорошо.

Когда человеку хорошо, он становится добрее и желает счастья другим. Дима желал счастья всем, кого он знал и кого не знал. Ему хотелось носить это счастье в своем кожаном чемоданчике и оставлять в каждом доме, куда его вызывали с неотложной помощью.

Дима вернулся домой. Тигренок спал посреди комнаты, вытянув лапы. Брюшко у него поднималось и опускалось, треугольничек уха подрагивал во сне — должно быть, тигренку снилась уссурийская тайга. Дима некоторое время смотрел на него, потом подошел к окну и отодвинул занавеску.

За окном стояли дома в расцвеченных окнах, как новогодние елки в лампочках. А совсем внизу, темные, еле различимые в сумерках, стояли сараи.

Дима стоял, прислонившись виском к раме, и думал о том, что еще молод, что впереди у него много лет жизни и много интересных событий и встреч.

Это было воскресенье, и это было самое счастливое воскресенье во всей его сознательной жизни.

Конец дня немножко испортила мама. Мамы умеют любить, как никто другой, и, как никто другой, все портить.

— Дима! — строго окликнула мама и, когда Дима обернулся на голос, молча указала пальцем в угол.

Дима проследил глазами направление пальца и увидел в углу возле тигренка лужу неправильной формы.

— Вытри! — распорядилась мама и опустила свой палец.

Этот эпизод был лишний и никак не монтировался со всем днем и с Диминым предыдущим настроением. В кино, например, режиссер пришел бы в монтажную, взял ножницы и вырезал из картины такой эпизод. Дима вырезать ничего не мог, поэтому он покорно направился в ванную комнату. В ванной на батарее висели половые тряпки, некоторые происходили от старых штанов, другие — от рогожных мешков. Дима выбрал ту, что из мешка.

Он положил тряпку на лужу, наступил на нее, потом подвигал ногой к себе и от себя. Если бы человек, живущий в доме напротив, посмотрел на Диму из своего окна, то подумал бы, что Дима танцует твист.

Окончив свой «твист», Дима взял тряпку двумя пальцами за самый конец, отнес ее в ванную комнату и кинул под батарею.

На этом эпизод был бы исчерпан, но в комнату вошел сосед и сказал:

— Добрый вечер!

— Здравствуйте, — поздоровался Дима. Он вытирал руки о полотенце.

— Я ничего не имею против того, — сказал сосед, — что вы воспользовались моей тряпкой. Но уж если вы ею воспользовались, то надо было выстирать и повесить на то место, откуда вы ее взяли.

Все было резонно. Дима вернулся в ванную, достал тряпку из-под батареи и сунул ее под холодную струю.

От воды тряпка стала темно-коричневая и тяжелая. Дима помял ее руками, почувствовал, что она липкая и скользкая одновременно.

— С мылом, — посоветовал сосед, который добровольно согласился сопровождать и консультировать Диму.

Дима взял кусок хвойного мыла и с силой провел по тряпке, так что на ней остался желтоватый мыльный рубец. Вода текла по этому рубцу, не размывая его, на пальцах скрипели песок и какие-то камешки.

— Горячей водой... — руководил сосед.

Дима пустил горячую воду, и рукам сразу стало тепло, мыло вспенилось, и вода полилась бурная и бурая, и ванна сразу стала темная, а тряпка светлая.

Диму удивил и обрадовал этот процесс. Он с благодарностью посмотрел на соседа и уже не хотел расставаться с тряпкой, стирал ее до тех пор, пока кусок мыла из прямоугольного не превратился в овальный.

После того как Дима развесил на батарее тряпку и уже снимал через голову рубашку, собираясь спать, в дверь заглянула другая соседка. Увидев раздевающегося мужчину, она войти не решилась, а просунула в дверь одну только макушку. У соседки когда-то была шестимесячная завивка, но шесть месяцев давно прошли, волосы развились и теперь походили на расчесанный мех.

Соседка, не повышая голоса, хотя и не понижая его, несмотря на поздний час, пожаловалась на то, что Дима смылил ее мыло и не убрал за собой ванну и что такое безобразие она ожидала от кого угодно, но только не от него.

За воскресеньем следует понедельник, за понедельником вторник, за вторником, естественно, среда. Среда — срединный день недели, и уже недалеким кажется воскресенье, и у рабочего человека повышается настроение.

У Димы неделя сложилась иначе. После воскресенья настал понедельник. За понедельником — снова понедельник, и вся его жизнь превратилась в одни сплошные понедельники.

Мечта в образе тигренка мяукала по ночам и прыгала к Диме на кровать. Ее надо было кормить мясом, которое стоит по два рубля килограмм. Правда, тигренку перепали кости, но кости продаются вместе с мясом и стоят столько же.

Соседи писали заявления в жилищно-эксплуатационную контору, приводили милиционера и дворника.

Любовь по имени Ляля сказала, что психически нормальные люди тигров не заводят. Ляля отказывалась ходить в дом — она одинаково боялась и Диму, и тигра.

Близкие и неблизкие знакомые пожимали плечами и снисходительно улыбались. Они чувствовали свое превосходство, а чело-

веку всегда приятно почувствовать свое превосходство над ближним.

Мама перестала включать телевизор — она боялась сидеть без света. Вечера в семье освободились, и мама использовала это свободное время для того, чтобы упрекать папу. Папа по-прежнему молчал и смотрел в газету, но уже не так внимательно, как раньше. Он сидел на стуле, подобрал ноги, подтянув колени к подбородку, и время от времени осторожно поводил глазами по полу и по сторонам.

А тигренок тем временем рос и ничего не подозревал. Тайна и благородство в нем, возможно, были, но скрытые и внешне ни в чем не выражались. Тигренок носился из угла в угол и, как обычная лестничная кошка, гонял по комнате Димин стетоскоп. Когда ему надоедало это занятие, он вставал на задние лапы, а передними рвал обивку на диване. Тигренок точил на будущее свои когти.

Маму очень раздражала эта манера, но сделать тигренку замечание она не решалась. Молчать она тоже не могла, поэтому все мамины замечания выслушивал Дима.

Дима выслушивал и вспоминал лицо директора зоопарка и его вопросы и уже предчувствовал логику в маминых словах и в поведении Васиной жены.

Это начиналось сомнение.

Сомнение, как всякую болезнь, следует вовремя захватить и лечить, тогда оно проходит без следа.

Димино сомнение было запущенным: оно грызло его два месяца и дало тяжелые осложнения. Раньше он чувствовал его только под ложечкой и только ночью, а сейчас ощущал ночью и днем, и ощущал не только под ложечкой, а в сердце, в мозгу и даже во рту. Принимаясь за еду, Дима долго и со всех сторон оглядывал кусок, нюхал его и только потом решался есть.

Ощувив присутствие сомнения в жизненно важных центрах, Дима снял трубку и позвонил своему бывшему школьному другу, а ныне геологу Васе.

Дима вежливо поздоровался и спросил: не возьмет ли Вася тигра обратно? Дима пообещал вернуть его так же безвозмездно, как и взял.

Вася поздоровался и ответил, что назад он подарка ни в коем случае не возьмет и посоветовать другого такого мечтателя, как Дима, тоже не может.

— Обратись в зоопарк, — посоветовал Вася. — Там тебе хорошие деньги заплатят и ручку поцелуют.

В зоопарк Дима пошел, но ручку ему никто целовать не стал.

— Нам не надо, — сказал директор зоопарка. — У нас клетки нет.

Он посмотрел на Диму вежливо и равнодушно, и Дима не мог понять — помнит он его или нет.

— Я к вам заходил, — осторожно намекнул Дима.

— Я помню, — осторожно сказал директор.

Он помнил Диму, но не проявлял к нему интереса. Давно, когда у директора были целы все зубы, с ним тоже случилась аналогичная история: директор страстно мечтал о женщине, а потом, позже, женившись на ней, осознал, что делать это было не обязательно.

— Вы же говорили: «ценность», — напомнил Дима.

— Конечно, ценность, — согласился директор. — Поэтому мы должны ее нормально содержать. А у нас негде. Вы же знаете — жилищный вопрос вообще острый.

Директор помолчал, ожидая, что Дима попросается и уйдет.

— До свидания, — сказал Дима.

— Всего хорошего, — пожелал директор. — Вы же понимаете, зверей много, а зоопарк один. Сходите в цирк, может, там нужно.

Комната дрессировщика вместо обоев была оклеена афишами. Над столом висел большой карандашный портрет — на нем дрессировщик был изображен в профиль и выглядел редкостным красавцем.

Красота — в сантиметрах. Художник, видимо, учел эту истину. Он сделал глаза на полсантиметра длиннее, а нос на полсантиметра покороче, чем у оригинала. Общее количество сантиметров осталось то же самое.

Дрессировщик выслушал Диму и осторожно спросил:

— Вы меня разыгрываете? — Он не любил, когда его разыгрывали.

Дима промолчал. Он сидел на стуле, худой и грустный, похожий на подростка, на воспитанного мальчика из хорошей семьи.

— Странно, — удивился дрессировщик. — Вы же сами мечтали...

— Да, но... — И Дима перечислил все «но».

— Я, между прочим, тоже по два рубля мясо покупаю, — сказал дрессировщик.

— Ваших тигров содержит государство, — резонно заметил Дима. — Это разные вещи.

Это действительно было не одно и то же.

— Правильно, — согласился дрессировщик. — Но ваш тигр не в плане. На него сметы нет.

— Вы же говорили: «ценность»...

— Еще бы... — неопределенно сказал дрессировщик и рассеянно поглядел в окно. Ему надоели тигры так же, как Диме человеческие болезни.

Отворилась дверь, и в комнату вошла пожилая женщина с усами.

— Поздоровайтесь, — торопливым шепотом попросил дрессировщик.

— Здравствуйте, — послушно сказал Дима.

Женщина ничего не ответила, с достоинством вышла из комнаты и, когда вышла, хлопнула дверью.

Дима вопросительно посмотрел на дрессировщика.

— Видал? — спросил тот с каким-то мрачным удовлетворением.

— Видал, — подтвердил Дима.

— И вот так всю дорогу...

Дима вежливо промолчал. Он не знал, о чем говорит дрессировщик, и это его не интересовало.

А дрессировщика, в свою очередь, не интересовали тигры. Тигры, как люди, совершенно различные и вместе с тем абсолютно одинаковые. И в общем-то, нет особой разницы, будет у него тигром больше или тигром меньше.

— Вы сходите в Уголок Дурова, — предложил дрессировщик. — Может быть, им нужен тигр?

— Нам не надо, — сказала девушка-секретарша.

Она что-то переписывала из одной большой тетради в другую большую тетрадь. Лицо у нее было заплаканное, а глаза ненакрашенные. Оттого, что ресницы были светлые, их не было заметно, и веки казались голыми.

— У нас дети. Это опасно, — объяснила секретарша.

— Это же ценность, — растолковал ей Дима.

— Мы не можем держать у себя ценность.

— А где директор? — спросил Дима.

— Нет его.

— А где он?

— Где, где... Нету — и все. А зачем он вам?

— Поговорить.

— А что говорить-то? Я вам объяснила — и все.

Когда с Димой грубо разговаривали, он очень робел и от робости сам становился некорректным.

— Нет, не все, — сказал он.

— Странный вы какой-то, ей-богу, — поделилась секретарша. — Сначала вам нужен тигр, потом вам не нужен тигр. Делать вам, что ли, нечего? Мне бы ваши заботы.

Она выдвинула маленький ящичек и вытащила оттуда третью большую тетрадь. Видимо, Димины заботы казались ей праздными по сравнению с ее собственными.

— Ну, что вы стоите? — спросила она.

— А что делать? — тихо пожаловался Дима. — Не могу же я сам его отравить...

— А зачем сам? Отведите в ветлечебницу. Его усыпят — и все.

Когда человеку плохо, он бежит туда, где его любят, где ему верят. Дима побежал к Ляле.

Волосы у нее на этот раз были желтые, рассыпанные по плечам. Если бы рядом с ней поставить Брижит Бардо, было бы совершенно невозможно отличить: которая из них Брижит, а которая Ляля.

День стоял весенний, и половина мостовой была сухая, яркая, а другая половина находилась в тени, асфальт там был влажный и темный.

Дима стоял на солнечной стороне. Привалившись к водосточной трубе, слушал лицом теплое солнце и чувствовал такую усталость, будто он пронес по городу тяжелые чемоданы.

— Я понимаю тебя, — печально проговорила Ляля и провела ладошкой по худой Диминой щеке. Она понимала его и жалела. Это была настоящая женщина. — Заведи себе другую мечту.

— Но это предательство! — воскликнул Дима и сложил три пальца вместе, будто собирался молиться.

— Почему предательство? — удивилась Ляля. — Осуществленная мечта — уже не мечта.

— Если я не сохранию тигра, я не знаю, как это объяснить, но от меня уйдет лучшая часть меня.

— А если ты его сохранишь, он вырастет и сожрет тебя. И от тебя вообще ничего не останется.

Лялина ладонь показалась Диме холодной и жесткой. Он снял ее со щеки, потом приподнял плечо и вытер щеку о плечо.